

РЕБЯТА, ЭТО НЕ ЛИНГВИСТИКА, ЭТО ЯЗЫКОЗНАНИЕ!¹

В.З. ДЕМЬЯНКОВ
vdemiank@mail.ru

д-р филол. наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института языкознания
Российской академии наук
Москва, Россия

Ключевые слова:
лингвистика, языкознание,
Saussure, язык как система
vs. язык как языковая
деятельность

DOI: 10.37632/PI.2020.278.1.003

В западноевропейских языках слово *лингвист* первоначально значило ‘человек, профессионально занимающийся языком или языками’. С начала XIX в., когда слово «лингвистика» начало употребляться в ученой среде, лингвистическое исследование как научное занятие претерпело значительные изменения. Первоначально слово *лингвистика* означало: 1) практическая деятельность, состоящая в использовании языка, и 2) научные методы сравнительно-исторического исследования языка, быстро сближавшиеся с методами палеонтологии. Но в культурах, в которых помимо латинской основы *linguistic* имелись еще конкурирующие «местные» именованья типа немецкого *Sprachwissenschaft* и русского *языкознание* (с ученым вариантом *языковедение*), произошло постепенное переосмысление указанных наименований, так что неоднозначность начала пропадать. *Лингвистика* сегодня – разнородная совокупность научной и околонаучной деятельности человека, опирающейся на знание и использование языка. А *языкознание* утратило значение ‘практическое знание языка’, которое ему присуще было в XIX в., и стало обозначать науку о языке. Произошла эта дифференциация под давлением дососсюрковского подхода к лингвистике, главным предметом которой был *langage* (языковая деятельность), и сосюрковского подхода, при котором в центре внимания исследователя – *langue* – язык как система знаков. В современном употреблении термин *языкознание* в русском языке привязан к сосюрковскому подходу, а термин *лингвистика* – к предструктуралистскому и постструктуралистскому подходам. Так борьба научных направлений сказалась на дифференциации терминов в обыденной речи.

Чтобы составить представление о человеке или о предмете, полезно узнать, что о нем говорят и думают другие. Так, вернувшись из командировки, муж может узнать о поведении жены, не обязательно «в лоб» спросив ее об этом. Обогащенный фольклором и знанием русских анекдотов, он может опросить соседей и тем самым открыть много неожиданного для себя.

На этом форуме мы имеем приятную возможность узнать многое о нашей науке, спрашивая об этом не саму лингвистику, а друг друга. Но сегодня обнаруживается, что «жен» у нас несколько. Одна – *языкознание* – строгих нравов, дисциплина с большой буквы, хранящая верность законному ученому мужу и не подпускающая к себе дилетантов. Другая – собственно *лингвистика*, отличающаяся простотой нравов и вступающая в легкодоступные междисциплинарные, мультидисциплинарные и даже трансдисциплинарные связи. Есть еще нехрупкое создание под названием *языковедение* – то, что изучают на первых курсах университетов.

В более ранних публикациях автора [3] и [4] рассматривалась судьба научных лингвистических дисциплин в широком контексте европейской и российской культур. В предлагаемом ниже обзоре я сосредоточусь на судьбе слов *лингвистика*, *языкознание* и *языковедение* в русском обыденном языке и в языке художественной литературы XIX–XX вв.

¹ Исследование, описанное в разделе 2, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН. Разделы 3 и 4 данного исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН.

Перед этим в самых общих чертах будет обрисована «тяжелая, а отчасти нелегкая» (как сказал бы М. Зоценко) европейская судьба основы *linguist-*: более полный очерк истории этой основы см. в [3].

1. Западноевропейский лингвист

Слово *linguiste* зафиксировано в немецком в 1593 г. [10: 253], а во французском языке в 1632 г. [11]. О нем вспомнили по-немецки в XVIII в., а по-французски в 1826 г. и употребляли в значении ‘человек, хорошо чувствующий тонкости языка’.

Однако остранинность по отношению к этим лексемам, признание их необыденного характера остались и в XIX в. Так, в «Немецком словаре» братьев Гримм [9] словарных статей «Linguistik» и «Linguist» мы не находим, слова эти они использовали там при толковании других слов. Иначе говоря, они не считались единицами «нормального», обыденного немецкого языка.

В английских сочинениях слово *linguist* употреблялось в значении ‘знарок языков, полиглот’ с 1550 г. (1580–1590 см. [15], ср. [12]). Нередко встречается оно у Б. Джонсона (1572–1637) и у У. Шекспира (1564–1616). Интересно, что с этого времени до определенного момента оно употреблялось в художественной литературе на английском языке значительно чаще, чем в остальной части Европы. Можно сказать, что для британской культуры с ее «природным» многоязычием, в отличие от немецкой и французской, эта основа не теряла актуальности.

Производным от *linguiste/linguista/ linguist* является прилагательное *linguistic/ linguistique*, появление которого фиксируется и в островной, и в континентальной частях Европы значительно позже.

Первое употребление *linguistique* как существительного во французских словарях датируется 1826 г., а как прилагательного – 1832 г. с тремя значениями, первые два из которых в обыденной речи превалируют [11]: 1) ‘свойственный языку’, 2) ‘связанный с практическим изучением языка’ и 3) ‘связанный с теоретическим изучением языка’. В последнем значении этот термин в начале XIX в. употребляется значительно реже, чем в первых двух. Английское прилагательное *linguistic* «имеющий отношение к языку и/или к языкознанию» появилось примерно в то же время, что и в континентальной Европе – в 1830–1840 гг., а *linguistical* ‘языковой’ (но не ‘языковедческий’) – в 1815–1825 гг. [15].

Это синхронное появление понятия на поверхности разных культур свидетельствует о соответствующих цивилизационных – общеевропейских – событиях в общественной жизни Европы. Именно в это время выявились обстоятельства происхождения индоевропейцев

на Земле, и главными свидетелями выступили языковеды, воспользовавшиеся методом внешней реконструкции языков Европы и Азии. Сравнительно-исторический метод в языкознании заслуженно получил ореол респектабельной доказательной науки, подобной палеонтологии. Сравнительная звуковой образ форм современных нам языков, можно установить, какие формы употребляли общие предки индоевропейских народов, а попутно – что они ели и пили. Актуализация такого исследования сделала занятие любыми языками престижным и даже модным научным направлением. Ведь мы – как и дети: особенно любим то, что у нас хорошо получается.

Этим «модным» значением французского *linguistique* и немецкого *Linguistik* было ‘сопоставительное и историческое исследование языков (сравнительная грамматика, сопоставительная филология)’. Именно это значение вкладывает в слово *linguistique* П. Мериме в знаменитом романе «Локис» (1866 г.), где речь идет о «профессоре сравнительного языкознания»: *Je ne suis qu'un pauvre professeur de linguistique comparée* (P. Mérimée. Lokis: Le manuscrit du professeur Wittembach, 1868) – Я просто скромный профессор сравнительного языкознания (Проспер Мериме. Локис: (Рукопись профессора Виттенбаха) / Пер. М.А. Кузмина. М., 1932).

Есть и другая разграничительная линия в употреблении указанных основ в языках Европы: во французском языке, как и в английском, нет другого термина для науки о языке – в отличие от русского (*языкознание/языковедение*), немецкого (*Sprachwissenschaft*), литовского (*kalbotyra*), польского (*językoznawstwo*), украинского (ср. *мовознавство*) и др. Кроме того, во многих языках мира обходятся без латино-греческой основы *linguist-*, ср. турецкое *dilbilimci*, новогреческое *γλωσσολόγος*, валлийское *ieithydd* “лингвист”, мотивированные «родной» основой со значением ‘язык’.

Английское *linguistics* впервые употреблено в 1850–1855 гг. [15] и образовано по модели *mathematics, physics* и др., но не *chemistry, biology, philosophy, philology*. Примерно в то же время – с незначительным временным сдвигом – фиксируют основу *linguist-* итальянские исторические и этимологические словари. В итальянском слово *linguista* появилось в начале XIX в. со значениями *studioso della lingua* ‘прилежный в языке’ (1817 г.) и *conoscitore di lingue* ‘знарок языков’ (1826 г.). Только с 1846 г. – в значении *studioso di linguistica* ‘тот, кто занимается лингвистикой’ [13: 586]. Через некоторое время сема университетской учености в слове *linguista* уже заставляет рядопологать лингвистов с педантами-занудами, т.е. с теми, кто считает, что знание их узкой области обязательно для всех.

Так, у Э. Де Амичиса в «Благородном языке» читаем: *...io, che non sono un linguista nè un pedante* – «я, не являющийся ни лингвистом, ни педантом» (Amicis E. De. *L'idioma gentile*, 1905). Слово *pedante* в итальянском языке этого времени имело значение 'педагог'. В словарях американского сленга для сходной цели используется похожий, но иной термин *linguistician* – 'человек, придирающийся к словам других, однако не всегда сам правильно их употребляющий' [8: 282].

Итак, в рассмотренных западноевропейских языковых культурах первоначальное значение основы *linguist-* связано с практическим владением языком. Только позже, с начала XIX в., оно стало связываться с понятием «наука о языке».

2. Русский лингвист

В нормативных словарях русского языка, но не западноевропейских, до сих пор *лингвистический* рекомендуется употреблять как производное от *лингвистика*. При этом рекомендуется употреблять его как синоним для *языковой*.

Пример типовой ошибки: *лингвистические различия между странами* вместо *языковые различия между странами*: «Когда речь идет о различиях в языке, неуместно употреблять термин, относящийся не собственно к языку, а к науке о языке» [1]. Однако нарушения данного правила мы находим с самого начала употребления этого прилагательного в русском языке. Например, под *лингвистическим завоеванием* имелось в виду вхождение в оборот заимствованных слов и выражений, т.е. завоевание каким-либо языком новых «территорий употребления»: *При начале литературного поприща Карамзина обвиняли его в галлицизмах. Мы давно где-то сказали, что критики его ошибались. Галлицизмы его были необходимые европеизмы. Никакой язык, никакая литература совершенно избежать их не могут. Есть денежные знаки, которые везде пользуются свободным обращением: червонец везде червонец. Так бывает и с иными словами и оборотами. Есть лингвистические завоевания, которые нужны, а потому и законны. Но есть лингвистические переряжения, пестрые заплатки, которые вшиваются в народное платье. Эти смешны и только портят основную ткань* (П.А. Вяземский. Отметки при чтении «Исторического похвального слова Екатерине II», написанного Карамзиным: [Фрагменты], 1874).

В русском языке последовательность усвоения слов *лингвист* и *лингвистика* противоположна западноевропейской. Сначала в русском языке было слово *лингвистика* (с 1831 г.), затем – *лингвист* (1845 г.), *лингвистический* – (1847 г.), *лингвистка* – (1865 г.) [7: 482].

В обыденной русской речи все эти лексемы в XIX в. редки, но при их употреблении далеко

не всегда имеют в виду связь с наукой о языке: скорее – серьезные и глубокие знания конкретных языков и умение ими пользоваться. Например: *Однажды я сказал ему: «Ах, Александр Сергеевич, сколько Бог дал вам талантов: вы поэт, музыкант, были лихой кавалерист, и, наконец, отличный лингвист!»* (он, кроме пяти европейских языков, основательно знал персидский и арабский языки). *Он улыбнулся, взглянул на меня умными своими глазами из-под очков и отвечал мне: «Поверь мне, Петруша, у кого много талантов, у того нет ни одного настоящего»* (П.А. Каратыгин. Мое знакомство с Александром Сергеевичем Грибоедовым, 1872).

Человека с большими способностями к освоению языков могли называть страшным лингвистом, ср.: *Моя жена и дочь обе страшные лингвистики и владеют русским языком так же хорошо, как и мы с вами* (П.П. Инфантьев. На другой планете: Повесть из жизни обитателей Марса, 1901).

В середине XIX в. слово *лингвистика* фиксируется в «Словаре церковнославянского и русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии наук»: «*Лингвистика* – наука, занимающаяся сравнительным исследованием языков», «*Лингвистический* – относящийся к лингвистике», «*Лингвист* – занимающийся лингвистикой» [5: 254].

Модный иноземный термин быстро освоился в русском языке, что говорило о большом подъеме самой науки и способствовало развитию интереса российского общества того времени не только к достижениям сравнительного языкознания. Эта мода стимулировалась традиционно большим интересом к занятию языками даже вне палеонтологической романтики. Репутация эта имела хождение и за пределами Российской империи: *...vous savez que les Russes sont les premiers linguistes du monde* – «вы же знаете, что русские являются первыми лингвистами мира» (Faure Georges Le, Graffigny H. De. *Aventures Extraordinaires d'un savant russe*, 1888). Вряд ли имелся в виду высокий уровень российского сравнительно-исторического языкознания, скорее – практический интерес к освоению европейских языков (что европейцы всегда оценивали положительно, это им льстило) и приобщенность россиян к общеевропейским ценностям. При этом схема рассуждения такова: «Русские – не совсем, но все-таки почти такие же, как мы». Вспомним и удивленное восхищение Ги де Мопассана тем, как замечательно хорошо И.С. Тургенев говорил и писал по-французски.

В то же время, как и следование любой моде, *лингвистические упражнения* воспринимаются как негативная оценка в контекстах типа: *Цель гимназического устава – превратить*

Границы лингвистики

грамматику в самоцель, а не в средство. Школьники учат язык, и ничего более. Их языковые занятия просто лингвистические упражнения (С.М. Степняк-Кравчинский. Россия под властью царей, 1885).

3. Русское языкознание

В толковании слова *языкознание*, к которому отсылают авторы и при толковании слова *языковедение*, находим: «1) ‘Знание языков’. 2) ‘Наука, занимающаяся исследованием языков и наречий; лингвистика’» [6: 481]. Отметим здесь же наличие термина *лингвистика*: в тексте толкования оно сидит скромненько сбоку, современный читатель его не сразу может и заметить. А ведь в середине XIX в. оно было на излете интеллектуальной моды в Европе.

Первое значение в современном русском языке устарело, оно соответствует немецкому *Sprachwissen*, а второе – похожему, но другому слову – *Sprachwissenschaft*. Продуктивный русский суффиксоид *-знание* здесь, как и обычно в русской терминологии, соответствует двум продуктивным немецким суффиксоидам: *-wissen* (‘знание’) и *-wissenschaft* (‘наука’).

Особенно часто значение (‘практическое’) знание языков’ у слова *языкознание* в XIX в.: *Что сказал бы на такое объяснение почтенный г. Сухомлинов, автор известной статьи о языкознании в Древней Руси?* (Н.А. Добролюбов. Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым, 1858). Известно, что никого подобного Сибавейхи или Панини в Древней Руси не было, во всяком случае, это не было известно во времена Добролюбова.

А понимание следующего предложения требует от современного нам читателя недюжинных интерпретаторских способностей: *Они вышли вместе, отлично теперь понимая друг друга. На пороге они остановились. Миссис Эмми указала, куда идти, подарила на прощанье звонкий поцелуй и скрылась в темноте, крикнув ему вслед слово: «душенька!», которому успел уже ее выучить Василий Иванович, пожелавший в свою очередь приобщить прелестную туземку к отечественному языкознанию* (К.М. Станюкович. Василий Иванович, 1866). Под *отечественным языкознанием* имеются в виду не столпы российской науки о языке, не М.В. Ломоносов или Ф.И. Буслаев, а (зачаточные) знания русского языка – родного («отечественного») языка лирического героя-путешественника. Сегодня вряд ли преподаватель русского языка как иностранного скажет, что приобщает своих студентов к отечественному языкознанию.

Примерно в это же время мы находим и противопоставление **европейского языкознания** (в значении ‘знания европейских языков’) многоязычию, например: *Усвоив себе таким образом*

родной язык, то есть язык, на котором мы мыслим, по возможности, то есть хоть настолько хорошо, чтоб хоть походило на что-нибудь живое, и приучив себя непременно на этом языке мыслить, мы тем самым извлечем тогда пользу из нашей оригинальной русской способности европейского языкознания и многоязычия. В самом деле, только лишь усвоив в возможном совершенстве первоначальный материал, то есть родной язык, мы в состоянии будем в возможном же совершенстве усвоить и язык иностранный, но не прежде. Из иностранного языка мы невидимо возьмем тогда несколько чуждых нашему языку форм и согласим их, тоже невидимо и неволью, с формами нашей мысли – и тем расширим ее (Ф.М. Достоевский. Дневник писателя, 1876).

Впрочем, в шаржированном виде в это же время утрированно **знание языков** иногда рассматривают как «абстрактное» знание системы языка, без навыка разговорной речи, ср.: *Он взирает с рабским богопочтанием на людей, бегло говорящих на нескольких языках, и языкознание рассматривает не как вспомогательное средство самообразования, а как цель человеческого труда. Он, проживши много лет в Париже, кажется, не прочел еще ни одной книги, не знает разницы между Корнелем и Дюма, Мюссе и поэтами, сочиняющими песни гризеток, а все практикуется, все вострится во «французском диалекте». Но и тут охота смертная, а участь горькая. Ломит он по-французски таким языком, что моя хозяйка, с которой он любил беседовать, только руки врозь разводила* (Н.С. Лесков. Русское общество в Париже: Очерки в письмах к редактору журнала, 1863). Такое употребление нашего термина выдает следующую презумпцию: главным предметом языкознания является язык как система навыков построения речи (соссюрковский **langage**), а не язык как абстрактная система знаков (соссюрговская **langue**).

От противного эту истину подтверждают ироничные контексты в художественной литературе XX в.: *Законы языкознания к лагерной действительности – неприменимы. Поскольку лагерная речь не является средством общения. Она – не функциональна* (С. Довлатов. Зона: Записки надзирателя, 1982). Не вступая в научную полемику с автором (да и не для того он писал), фиксируем здесь еще одно значение слова *языкознание* в обычном употреблении: законы языкознания – законы адекватного употребления языка.

Главным значением термина *языковедение* издавна было ‘научное исследование языков’. Например: *Не франк-завоеватель просветил галла, но побежденный галл франка. Не от норманна получил просвещение свое саксонец (за исключением, может быть, некоторых ничтожных*

улучшений во внешнем быте), но побежденный саксонец передал просвещение свое победителю норманну. Это доказывает не только историю, но и языковедением (А.С. Хомяков. Мнение иностранцев о России, 1845).

Однако есть контексты, в которых, как кажется, слово *языковедение* употреблено в значении ‘знание языков’: *Граф Головкин, родившийся и воспитавшийся за границей, плохо говорил по-русски, но любил иногда щеголять своим отечественным языковедением* (П.А. Вяземский. Старая записная книжка). Автор подчеркивает, что граф Головкин пытался пощеголять речью на родном языке, который знал не очень хорошо. Точнее было бы сказать *отечественным языкознанием* – знанием отечественного, русского языка, а не *языковедением* в собственном смысле слова. Вряд ли можно истолковать эту цитату в том смысле, что граф Головкин щеголял образованием, полученным на родине, и в его целевые «компетенции» (как нынче модно у педагогов выражаться) входило знание разных языков: этому противоречит указание, что граф родился и получил образование за границей, а не в своем отечестве.

Начиная с определенного момента, языкознание стали все чаще и чаще рассматривать как науку, а не как практическое знание языка. Пришло широкое социальное признание сравнительно-исторического метода как метода науки. В результате прототипическим значением терминов *языкознание* и *языковедение* стало ‘наука о языке’, что привело к вытеснению основы *лингвист*-, ненадолго ставшей модной. В современных словарях иногда указывают, что *языкознание* (с синонимом *языковедение*) отличается от термина *лингвистика* наличием еще одного значения ‘учебный предмет, изучающий эту науку’ [2].

Таким образом, термин *лингвистика* в быденном языке стал пониматься как ‘практическое владение (многими) языками’, а *языкознание* утратило это значение, хотя оно и подсказывается внутренней формой этого слова.

4. Язык как предмет науки: русское языкознание и европейская лингвистика

К концу XIX в. во французских словарях у термина *linguistique* фиксируется значение ‘наука, объектом которой является исследование *langage*’. Причем именно *langage* – ‘единство языка как абстрактной системы и речи как реализации языка’, – а не *langue* ‘система выразительных средств, используемая некоторой социальной группой’.

Только позже стал популярным сосюрковский лозунг «Единственным объектом лингвистики является язык (*langue*), рассматриваемый в себе и для себя» (*La linguistique a pour unique objet la*

langue envisagée en elle-même et pour elle-même [14]). То есть значение термина *лингвистика* резко сузилось, вычеркнув всю «человеческую» составляющую: язык как система знаков (*langue*) стал рассматриваться как самоценный объект, безотносительно к потребностям других научных и практических занятий. Остальные же занятия лингвистикой оказались за пределами, но до того момента, когда человеческий фактор вновь стал востребован в лингвистике, причем именно в лингвистике, а не в языкознании.

Как показывают наблюдения над русским корпусом, слово *лингвистика* сохранило значение ‘научно-организационная деятельность, область занятий’, а не ‘набор знаний об определенной области’. Одной из причин этого может быть суффикс *-истика*. Ведь другие существительные с этим суффиксом также указывают скорее на область деятельности, чем на результаты, ср.: *американистика, арабистика, арменистика, африканистика, гебраистика, германистика, индианистика, индоевропеистика, интерлингвистика, иранистика, медиевистика, монголистика, ориенталистика* и др. Ср. также другие имена на *-истика*, исходно обозначавшие **виды деятельности**: *беллетристика, гигиенистика, ерундистика, журналистика, юмористика* и др.

До сих пор термины *лингвистика* и *языкознание* употребляются неодинаково, несмотря на то что в энциклопедиях обычно указывают на их синонимичность. Так, можно сказать *лингвистика текста*, поскольку это деятельность лингвистов по исследованию текста. Есть книги под названием «Лингвистика измененных состояний сознания», но недопустимо **языкознание текста* и **языкознание измененных состояний сознания*.

Итак, языкознание – не только область деятельности лингвистов, но и главным образом полученные результаты, набор «позитивных знаний», или сведений о языках. То есть языкознание, как и сосюрковская *langue* (его главный предмет), является системой научных методов и знаний, этими методами полученных. А лингвистика – деятельность, не всегда приводящая к системе результатов и истин, и для нее конкретные знания как результат – дополнительный бонус, не всегда получаемый.

Заключение

1. В быденном языке лингвистику представляют как вид деятельности людей, компетентных в языке. Слово *лингвистика*, появившись в разных языках в начале XIX в., получило значение ‘сравнительно-историческое языкознание’. Но с конца XIX в. лингвистами стали называть тех, кто профессионально занимается лингвистикой, а не только компаративистов.

2. Дососсюроевское и послесоссюроевское понимание состоит в том, что предметом лингвистики является **langage** – вся языковая деятельность, а не только набор морфем, слов, конструкций. Такой лингвистике ничто человеческое не чуждо.

3. А предметом **языкознания** сегодня чаще признается сосюроевская **langue**, и человеческие факторы считаются менее существенными, а порой и чуждыми для языка как системы знаков.

4. Такое понятие «языкознание» значительно уже понятия «лингвистика». В частности, еще

и поэтому можно говорить (и говорят по-русски) о когнитивной лингвистике (изучающей человека через призму его языковой деятельности), но не о когнитивном языкознании. В то же время словосочетание *когнитивистское языкознание* допустимо в значении ‘научные исследования языка, проводимые в когнитивистском ключе’. В этом контексте языкознание – не только наука как копилка хорошо зарекомендовавших себя знаний, но и исследование языка – пробы и ошибки, неизбежные при любом исследовании всего неизведанного. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Блохин Л.Ф. Типичные ошибки в словоупотреблении: Словарь. М., 2002.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.
3. Демьянков В.З. Лингвистика и ее объекты // Вопросы филологии. 2009. № 1.
4. Демьянков В.З. Термины *лингвистика, языкознание и языковедение* в функциональном освещении // От значения к форме, от формы к значению: Сборник статей в честь 80-летия члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. М., 2012.
5. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. 2. З–Н. СПб., 1847.
6. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. 4. СПб., 1847.
7. Черных П.И. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов. Т. 1. А – ПАНТОМИМА. М., 1993.
8. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. 6th ed. Oxford, 2008.
9. Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch: 16 Bde. Leipzig, 1854–1860.
10. Köbler G. Deutsches Etymologisches Wörterbuch. Berlin, 1995.
11. Le Petit Robert. Paris, 2005.
12. Peters P. The Cambridge Guide to Australian English Usage. Cambridge, 2007.
13. Prati A. Vocabolario etimologico italiano. Torino, 1951.
14. Saussure F. de. Cours de linguistique générale / Publié par Ch. Bally et A. Sechehaye, avec collaboration de A. Riedlinger. 2-e éd. Paris, 1922.
15. Webster Random House Webster’s Unabridged Electronic Dictionary. New York, 1996.

V.Z. Demyankov

KIDS, IT IS NOT LINGUISTICS, IT IS LANGUAGE SCIENCE!

Linguistics, language science, Saussure, langue vs. langage.

In West-European languages, «linguist» originally meant ‘a person professionally dealing with language(s)’. From the beginning of the 19th century, when the word «linguistics» appeared on the European scene, linguistic investigation as a scientific enterprise underwent several transformations. ‘Linguistics’ initially meant: 1) practical activity consisting in using languages and 2) scholarly methods of comparative-historical study of language, which rapidly evolved in the direction of paleontology. But in cultures where besides the term ‘linguistics’ there is also a concurrent local term like the German ‘Sprachwissenschaft’ and the Russian ‘yazykoznanie’ (with a scholarly variant ‘yazykovedenie’), these meanings tended to associate with two different lexemes, i. e. ‘linguistics’ proper (or rather its local variant of the Latin-Greek borrowed lexeme, the German ‘Linguistik’ and the Russian ‘lingvistika’) and the indigenous local variant (the German ‘Sprachwissenschaft’ and the Russian ‘yazykoznanie’). The concurrence of different terms denoting the English ‘linguistics’ in Russian at the beginning of the 20th century was complicated by the existence of different approaches to language as a whole: language as the Saussurian ‘langage’ (i. e. linguistic activity) vs. language as the Saussurian ‘langue’ (i. e. a system of linguistic signs). In the modern ordinary Russian usage, ‘lingvistika’ may be characterized as an activity consisting in using languages in general, whereas «yazykoznanie» and «yazykovedenie» are thought of as ‘language sciences’ having to do with ‘langue’.